

ТАТЬЯНА
КОРСАКОВА

ХОЗЯЙКА
КОЛОДЦА

Москва
2022

A decorative flourish consisting of several overlapping, flowing lines in shades of gray, framing the text.

ТАТЬЯНА
КОРСАКОВА

королева мистического романа

Читайте романы
ТАТЬЯНЫ КОРСАКОВОЙ

Ничего личного
Беги, ведьма!
Ведьмин круг
Не буди ведьму
Хозяйка колодца
Третий ключ
Дом у Чертова озера
Пепел феникса
Волчья кровь
Слеза ангела
Печать василиска
Проклятый дар
Музы дождливого парка
Самая темная ночь
Час перед рассветом
Ведьмин клад
Смертельное танго
Ты, я и Париж
Судьба № 5
Хрустальное сердце
Миллионер из подворотни
Мужчины не плачут
Паутина чужих желаний
Вранова погоня
Сердце ночи
Лабиринт Медузы
Темная вода
Снежить
Гремучий ручей
Шепот гремучей лощины

ТАТЬЯНА
КОРСАКОВА

ХОЗЯЙКА
КОЛОДЦА

Москва

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
К69

Художественное оформление серии *Е. Петровой*

Редактор серии *А. Самофалова*

В коллаже на обложке использованы фотографии:

© conrado, D Currin, Lina Mo / Shutterstock.com

Используется по лицензии от Shutterstock.com

Корсакова, Татьяна.

К69 Хозяйка колодца : [роман] / Татьяна Корсакова. — Москва : Эксмо, 2026. — 416 с.

ISBN 978-5-04-167845-6

Есть в густом яблоневом саду старинный колодец. Даже в самый жаркий день местные жители не приходят к нему за водой. Рассказывают, что, если заглянуть в почерневший от времени сруб, можно увидеть ее — призрачную деву, хозяйку. Говорят также, что она охраняет сокровища старого графа, скрытые на дне колодца. Причем так хорошо, что их до сих пор никто не достал. Всех же, кто пытался к сундуку подступиться, находили мертвыми... Строго следит хозяйка за своим золотом.

УДК 821.161.1-31

ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Корсакова Т., 2022

© Оформление.

ООО «Издательство «Эксмо», 2026

ISBN 978-5-04-167845-6

— Эх, дороги, пыль да туман... — Лешка Сотников, для друзей просто Сотник, зычным басом заглушал рев мотора. — Холода, тревоги да степной бурь-я-я-ян!

Стас Морганский, для друзей просто Морган, пытался удержать джип на ухабистой и в самом деле пыльной проселочной дороге и лишь изредка поглядывал на вошедшего в раж товарища.

— Знать не можешь доли своей — может, крылья сложишь посреди степей...

Вот тут Морган был полностью согласен с Сотником: может, и не крылья, а колеса — за просто! И про долю тоже был согласен. Могли ли они с Сотником еще неделю назад предугадать, что у их скромной строительной фирмы появятся такие ошеломительные перспективы. Что, возможно, наступившее лето они проведут не в душном городе, а на вольной воле, у Христа за пазухой, как поэтично выразился романтик Сотник.

Тот знаменательный день Морган помнил в малейших деталях, тем более что и вспоминать было особо нечего. И в личной, и в про-

фессиональной жизни образовался мертвый штиль. Морган скучал в опустевшем по случаю грядущего уик-энда офисе и лениво размышлял, как бы получше распорядиться своей молодецкой удалью в ближайшие выходные, когда дверь кабинета с грохотом распахнулась. Он усмехнулся, лениво потянулся, прислушиваясь к подозрительному хрусту в позвоночнике. Только один человек вел себя в конторе так шумно, если не сказать буйно.

— Рота, подъем! — с порога рявкнул Сотник, в два шага преодолел разделявшее их пространство и рухнул в кресло.

Антикварное кожаное кресло, которое Морган, почитай, на собственном горбу пер с городской свалки, а потом своими собственными руками перетягивал, реставрировал, доводил до ума, возмущенно скрипнуло, но устояло под напором двадцатикилограммовой туши Сотника.

— Еще не ушел? — Сотник пригладил косматые, не поддающиеся окультуриванию вихры, с многообещающей многозначительностью посмотрел на Моргана.

— Почти, — Морган по-ковбойски закинул ноги на стол. Секретаршу Анну Илларионовну, истинную леди пятидесяти пяти лет, он отпустил домой еще час назад и теперь мог позволить себе вот такие маленькие вольности большого босса. — А ты что тут делаешь? Ты же вроде как собирался на рыбалку.

Сотник был заядлым рыболовом. Активному отдыху предпочитал многочасовое сидение

в камышах с удочкой наперевес. Он числился почетным членом самого известного в городе рыболовного клуба и однажды даже занял третье место в соревнованиях по подледному лову, о чем не упускал случая рассказать всем желающим. Новых подвигов в рыболовном списке Сотника не прибавлялось, а желающих с каждым разом становилось все меньше, поэтому Морган, как бизнес-компаньон и лучший друг, должен был выслушивать рассказ про «ту чумовую рыбалку» уже по десятому кругу.

— Собирался. — Сотник мечтательно улыбнулся, поскреб внушительное пузо. — И мы таки поедem этим летом на рыбалку, дорогой мой человек! Морган мой ненаглядный! Если повезет, все лето будем наслаждаться отличным клевом.

— Это без меня, дорогой мой человек! — замахал руками Морган и, воровато покосившись на дверь приемной, вытащил из ящика стола пачку сигарет.

Сигареты истинная леди Анна Илларионовна любила еще меньше, чем сидение в ковбойской позе, и Морган, который немного робел перед своей интеллигентной и рафинированной секретаршей, в офисе старался не курить. Он вообще старался курить по минимуму, лишь в исключительных случаях, но в глазах Сотника горел такой особенный огонь, что сразу становилось ясно — исключительный случай вот-вот наступит.

— Лето с удочкой в руках... — Он щелкнул

зажигалкой, с наслаждением затащился. — Это за что же мне такое наказание?

— Это не наказание, — Сотник потянулся за пачкой сигарет, антикварное кресло снова издало тоскливый стон. — Это заказ, Морган! Отличнейший, крупнейший заказ! Помнишь озеро? — спросил он, зажимая сигарету зубами, но так и не прикуривая. — Ну, то самое, на котором мы с тобой рыбачили прошлым летом.

Морган помнил. Озеро было большое, красивое, по форме напоминающее сильно вытянутый в длину эллипс. Кажется, Сотник говорил, что расстояние между самыми дальними берегами составляет восемь километров, а в самом узком месте озеро было метров пятьдесят шириной. Добрая половина прибрежной озерной территории была занята коттеджным поселком, застроенным дачами разной степени давности и крутизны. Один из таких дачных домиков прошлым летом они сняли на целую неделю, чтобы Сотник смог насладиться рыбалкой, а Морган просто покупаться и отдохнуть от городской суеты.

— Я помню, — Морган кивнул. — Так что там с заказом, дорогой мой человек?

— До чего ж ты меркантильный! — друг сокрушенно покачал головой. — Я тебе про рай на земле, а ты мне про заказ. Отличный заказ, — сказал он после драматичной паузы. — Дураками будем, если зубами, когтями не вцепимся в него. Фамилия Яриго тебе что-нибудь говорит?

Моргану даже думать не пришлось. Фами-

лию эту знал любой мало-мальски деловой человек, да и не деловой тоже, потому что носитель этой фамилии был персоной весьма известной. Влас Павлович Яриго — владелец заводов, газет, пароходов. Вернувшийся на родину эмигрант, чужак, отшельник и при этом акула бизнеса, каких еще поискать.

— Он потенциальный заказчик? — У Моргана аж между лопатками зачесалось от такой новости.

— Прикинь! — Сотник хлопнул ладонями по подлокотникам кресла. — Сам в шоке! Димку Савельева, надеюсь, не забыл?

Дмитрия Савельева, историка русской литературы, скромно именовавшего себя профессором русской словесности, Морган помнил отлично, ибо профессор всем своим видом опровергал представление обывателя о том, как должен выглядеть ученый муж. Во-первых, Дмитрий Савельев был молод, годков тридцати пяти от роду, не больше. Во-вторых, выглядел не то что чинно и строго, а вовсе даже неформально. На память тут же пришли драные джинсы, изрядно вытянутая и полинявшая футболка с эмблемой «Металлики», стянутые в хвост жидкие волосы и серьга в ухе. Не профессор, а пират! Или хиппи, на худой конец. И водку, помнится, профессор русской словесности употреблял с душой, со славянским размахом, а потом пел под гитару романсы вперемежку с балладами той самой горячо любимой им «Металлики».

— Дача у него на Левом берегу, — Сотник по-

кивал каким-то своим мыслям. — То бишь на барском берегу.

Про берега Морган тоже кое-что помнил. Из-за вытянутой формы озеро походило на реку и вроде как имело левый и правый берег. На левом, барском, находился коттеджный поселок, а правый был девственно чист, почти не осквернен людским присутствием. Кажется, где-то там, неподалеку от правого берега, имелась деревенька, и что-то там Сотник говорил про колхоз, который в далекие советские времена был миллионером, надеждой и опорой партии, но сам Морган на правом берегу никогда не бывал, поэтому представление о деревеньке и колхозе имел весьма смутное.

— Так вот, у Димки Савельева дача на Левом берегу. Досталась ему еще от папеньки, тоже профессора каких-то там наук, — вел свой неспешный рассказ Сотник. — Дачка неплохая, я тебе скажу, но староватая, построенная в начале девяностых, когда Левый берег еще только обживала всякая научная и творческая элита. Соседи у Димкиных родичей тоже все сплошь были профессора, академики, актеры больших и малых драматических театров. А пару лет назад началась движуха и великое переселение народов. Земля на Левом берегу взлетела в цене до заоблачных высот.

— А на Правом? — поинтересовался Морган.

— А на Правом все принадлежит колхозу и отчего-то не продается. Не вникал я, если честно, что там с Правым берегом, — отмахнулся Сотник. — Я сейчас о другом. Землю и дома

у научной элиты стала по-тихому скупать бизнес-элита.

— Яриго купил?

— Купил! Домик как раз рядом с Димкиной дачей. Купил, сразу же снес домик к чертям, отстроил новые хоромы в два этажа, а к Димке начал захаживать в гости, по-соседски, так сказать. Димка говорит, что мужик он неплохой. Не без своих тараканов, конечно, но кто сейчас без тараканов! Радеет наш Влас Палыч за отечество, Россию-матушку любит всем своим буржуйским сердцем, собирается возрождать сельское хозяйство на отдельно взятой территории.

— Колхозной? — уточнил Морган.

— Надо думать, — Сотник пожал плечами. — Но для нас, друг, не это важно. Для нас важно, что параллельно с возрождением Яриго собирается строить. Много и масштабно.

— Что конкретно? — Зуд между лопатками сделался совсем уж нестерпимым.

— Животноводческий комплекс, — Сотник принялся загибать пальцы, — свиноферму, коровник. Рядом заводик по переработке, пардон, коровьего дерьма в высококачественные и экологически чистые органические удобрения. О птицефабрике, кажется, тоже задумывается. Короче, масштабно мыслит мужик!

— И весь этот зверинец он планирует организовать на Левом берегу?

— Нет, ты что! — Сотник сделал страшные глаза. — В чистом поле, в паре километров от

деревни. Все по-европейски: надежно, экологично, качественно, дорого. Сечешь?

— Секу.

— Димку наш миллионер-русофил полюбил как родного. Советуется с ним в вопросах, касающихся благоустройства и окультуривания русской глубинки. И Димка, дружок дорогой, не растерялся, вспомнил, что есть у него товарищи, подвизавшиеся на строительстве.

— Мы с тобой, — Морган понимающе усмехнулся.

— Не безвозмездно, конечно, Димон про нас вспомнил. Сам понимаешь, одной лишь русской словесностью сыт не будешь и дачку на Левом берегу не прокормишь.

— Понимаю, — Морган кивнул, закурил вторую сигарету. — С этим разберемся. А насколько все серьезно у миллионера-русофила?

— Вот в следующую субботу и узнаем! Яриго приглашает нас с тобой в гости на предварительное, так сказать, собеседование, но Димка говорит, что контракт, считай, уже у нас в кармане.

— Ой ли? Как-то все подозрительно быстро и просто, — Морган глубоко затыкнулся, взъерошил волосы. — Ты же сам понимаешь, какие там деньжищи. А он бац — и отдает заказ первым встречным пацанам из далеко не самой раскрученной фирмы. Попахивает бесплатным сыром, дорогой мой человек...

— Ну, во-первых, мы не первые встречные, нас ему рекомендовали.

— Профессор русской словесности, кото-

рый выглядит как панк! — Морган приподнял брови.

— Ты еще не видел, как выглядит сам Яриго, — парировал Сотник. — Не одежда красит человека, а человек одежду. А во-вторых, наш будущий работодатель далеко не дурак. Уверен, он уже навел справки и разведал все наши грязные тайны.

— У нас нет грязных тайн.

— Вот именно! Мы чисты, как слеза младенца! А кроме того, молоды, энергичны и не станем ломаться, если он предложит не самую высокую цену. Послушай, Морган, если Яриго пригласил нас в гости, значит, какие-то колесики в его голове закрутились-защелкали. Мы ведь не откажемся? — Сотник прикурил наконец сигарету, пристально посмотрел на Моргана сквозь дымную кисею.

— Конечно, мы не откажемся! Попытка не пытка!

Попытка не пытка... И вот они уже скачут на джипе Моргана по сельским колдобинам, рискуя потерять колеса и подвеску. А все потому, что Сотнику захотелось посмотреть на Правый, пролетарский берег озера. Самому посмотреть, Моргану показать красоту и размах русской глубинки. На все его причитания и стоны Сотник открещивался:

— Мы же не ищем легких путей, дорогой мой человек. И опять же, кто-то должен провести разведку местности, присмотреться.

— У нас еще нет заказа. Зачем нам разведка местности? К чему присматриваться?..

Джип подпрыгнул на ухабе, Морган чертыхнулся.

— Нет, так будет, — Сотник невозмутимо улыбнулся. — Вон там впереди, за кустами, кажись, поворот. Там и будет Правый берег.

— Правый берег?..

— Здешняя деревня так называется. А ты не знал? Справа, значит, деревня, а левее, почти к самому озеру, спускается яблоневый сад. Димка говорил, что сад огромный, но одичавший. Через него идет грунтовка, по ней можно выехать к дачному поселку. Видишь? — он постучал пальцем по экрану навигатора. — Вот тут правый берег плавно переходит в левый. А вот этот домик на границе двух берегов — хатка местного головы. Умный мужик этот голова, правильное место жительства выбрал. Вроде бы и не с левыми, и не с правыми, но в то же время и те и другие под рукой и на глазах.

— А это что? — Морган скосил взгляд на никак не обозначенное на навигаторе скопление построек.

— А это...

Договорить Сотник не успел. Его голос заглушил рев мотора, а из придорожных кустов, как черт из табакерки, прямо под колеса джипа вылетел мотоциклист. От смертоубийства несчастного идиота спасли лишь реакция и водительский опыт Моргана. Джип повело на проселочной дороге, непристегнутого Сотника швырнуло на лобовое стекло, а виновник едва

не случившейся аварии даже не притормозил. Мотоцикл с издевательским ревом скрылся в клубах пыли.

— Вот падла! — Морган выровнял джип, втопил в пол педаль газа.

— Кто-то из местной золотой молодежи резвится, — Сотник потер ушибленный лоб. — Мотоцикл, кажется, «Ямаха». Не «Ява» тебе какая-нибудь пролетарская. Черт, больно... — Он с удивлением посмотрел на свои окровавленные пальцы. — Я из-за этого сучонка, кажется, себе бровь рассек. И хоть бы притормозил, поинтересовался, как тут простые смертные.

— Ничего, — Морган недобро усмехнулся. — Сейчас мы его догоним и спросим, какого черта!

— Правильное решение, хоть и нерациональное. — Сотник прижал ко лбу бумажную салфетку. — У сучонка небось папашка какой-нибудь олигарх или и того хуже — депутат.

— Плевать.

Морган бормотание друга уже почти не слышал, он выжимал из мотора все его лошадиные силы в твердом намерении догнать и наказать. Их с Сотником детство и юность прошли в далеко не самом благополучном районе, и отвечать ударом на удар они привыкли с малолетства. И неважно, кем окажется папаша этого дебиленьша!

Мотоцикл, а это и в самом деле оказалась ярко-красная «Ямаха», они почти настигли на въезде в деревню.

— Давай, Морган! Жми! — орал Сотник, поч-

ти на полкорпуса высунувшись из окна джипа. — Врешь — не уйдешь! — грозил он кулаком в обтянутую кожаной курткой спину мотоциклиста.

Не уйдет. Морган знал это наверняка. Куда «Ямахе» тягаться с внедорожником!

Деревня с незатейливым названием Правый берег на первый взгляд была немаленькой, состояла из нескольких параллельно идущих улиц, одним краем сползала к яблоневому саду, а другим уходила в чистое поле. Дряхлые деревянные избышки перемежались с добротными кирпичными домами, наверное, оставшимися со времен расцвета колхоза. Мимо пронесся обшитый сайдингом магазин с сидящими в теничке на завалинке местными аксакалами. Позади осталось одноэтажное кирпичное здание со стадионом и спортивной площадкой — сельская школа. Распугивая кур и греющихся на солнце собак, «Ямаха» вылетела на деревенскую площадь, выложенную потрескавшимися бетонными плитами, сделала резкий разворот у выкрашенного в уродливый фиолетовый цвет здания сельсовета, промчалась мимо памятника вождю мирового пролетариата и скрылась в одной из убегающих от площади улочек.

Морган выругался, почти не сбавляя скорости, развернул своего железного коня и, обдав вождя мирового пролетариата облаком пыли, устремился вслед за мотоциклистом. Охотничий инстинкт и азарт погони подсказывали: скоро все закончится.

— Тут поаккуратнее, старик, — бубнил ему на ухо Сотник. — Не придави кого ненароком.

Прислушиваясь к доводам разума и советам друга, Морган немного сбавил скорость, не без удовлетворения замечая, что мотоциклист тоже притормаживает.

Когда «Ямаха», а следом и джип, проскочив улочку насквозь, подлетели к стоящей на отшибе избушке, стало ясно — погоне пришел конец! Мотор мотоцикла рыкнул в последний раз и заглох у покосившегося, почерневшего от сырости забора. Мотоциклист лихо спрыгнул с седла, сдернул с плеч рюкзак. Морган глушить мотор не стал, вслед за разгоряченным погоней Сотником спрыгнул на поросшую травой дорогу.

— Эй, сучонок! — рыкнул Сотник, многозначительно потирая кулаки. — Куда так спешишь? А поговорить с двумя сердитыми дядями?..

Мотоциклист развернулся к ним всем корпусом и досадливо махнул рукой — отвалите, дяди! Столько нетерпения и раздражения было в этом его жесте, что Морган в бешенстве скрипнул зубами.

— Совсем золотая молодежь оборзела! — сказал Сотник почти ласково и так же ласково отшвырнул мотоциклиста от калитки. Этой ласки хватило, чтобы паршивец рухнул навзничь на землю. Если бы не шлем, то башкой приложился бы знатно, до сотрясения.

С той стороны забора звонко и зло залаяла собачонка, послышался дребезжащий старушечий голос:

– Жучка, ты чего это разошлась?..

– Вставай, засранец! – Сотник горой возвышался над поверженным врагом. – Разговоры разговаривать будем, правила дорожного движения повторять...

Договорить у него не вышло, мотоциклист, до этого неподвижный и беспомощный, ловкой подсечкой свалил Сотника на землю, с кошачьим проворством вскочил на ноги, метнулся к калитке. И успел бы, если бы Морган не поймал его за ворот куртки и легонько, для профилактики, не приложил шлемом об забор. От этих манипуляций парень как-то сразу обмяк, едва не повис на руке у Моргана. И в этой податливой мягкости, а еще в подозрительной гибкости и легковесности противника Моргану вдруг почудилось неладное, неправильное... Но проанализировать до конца эту мысль он не успел. С лязгом распахнулась калитка, под ноги ему, заливаясь лаем, выкатилась лохматая собачонка, а следом с воплями вылетела старушка с клюкой.

– Ироды! – Клюка взметнулась в воздух и, не увернись Морган, непременно попала бы ему по плечу. – Ироды! Бандюки! Ату их, Жучка! Ату!

С радостным лаем собачонка вцепилась в штанину Сотника. Судя по растерянному лицу друга, толстую джинсовую ткань не прокусила, но на ноге повисла мертвой бульдожьей хваткой.

– Я участковому уже позвонила! – бабулька продолжала воинственно размахивать клю-

кой. — По сотовику позвонила. Вот прямо сейчас. А ну, отойди! — она коршуном накинута на вконец растерявшегося Моргану. — Грабли свои уберу от нее! Я кому сказала?!

— От кого? — Морган попятился, волоча за собой мотоциклиста. — Бабуль, вы чего?

— Пусти, паразит такой! А вот я тебе сейчас! — старушка снова замахнулась клюкой.

В этот самый момент мотоциклист вдруг извернулся, выпадая из своей куртки, и обутой в кроссовку ногой больно врезал Моргану по голени.

— Ах ты... — он рванул следом, но между ним и мотоциклистом, как насадка, раскинув в стороны руки, встала бабулька. — Марьяна Васильевна, да что же это такое?! — затараторила она, не пойми к кому обращаясь. — Может, и в самом деле участковому позвонить? Или сразу председателю? Что это за лиходеи такие?..

— Варвара Марковна, не нужно никому звонить, — черный мотоциклетный шлем глушил голос, но все равно Моргану как-то сразу стало ясно, что там, за тонированным забралом, прячется вовсе не сучонок, а...

— Как там Алеша? — тонкие загорелые руки взметнулись к шлему, на левом запястье блеснул серебряный браслет.

— Твою ж дивизию... — ошалевший Сотник даже перестал дергать ногой с повисшей на ней собачонкой. — Морган, это же...

Теперь, когда мотоциклист сдернул шлем и небрежно, словно голову поверженного